

МИШИНА Людмила Николаевна

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «МУЧЕНИЧЕСТВО»
В СТАРОСЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЯХ X–XI вв.
И ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XI–XIV вв.:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

10.02.01 – «Русский язык»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Челябинск – 2008

Работа выполнена на кафедре общего языкознания и истории языка
ГОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор *Шулежкова Светлана Григорьевна*

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор *Голованова Елена Иосифовна*

кандидат филологических наук,
доцент *Шушарина Ирина Анатольевна*

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Белгородский государственный университет»

Защита состоится «17» декабря 2008 г. в «10-00» часов на заседании объединённого диссертационного совета ДМ 212.295.05 при ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет» и «Тюменский государственный университет» по адресу: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69, конференц-зал (ауд. 116).

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки Челябинского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан «16» ноября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000514505

Л. П. Юздова

Л. П. Юздова

В отечественной лингвистике последних десятилетий одним из ведущих направлений является когнитивная лингвистика – раздел языкознания, который изучает язык как когнитивный механизм, участвующий в кодировании и трансформировании информации [КСКТ: 53–55]. В рамках данного направления активно изучаются различные концепты как глобальные мыслительные единицы национального сознания [Попова, Стернин 2006: 7].

Об актуальности изучения концептов в современной лингвистике свидетельствует масштабность разработки теоретических основ концептуальных исследований: Алефиренко 2002, 2003; Бабушкин 1996; Воркачёв 2001, 2002; Демьянков 2002; Попова, Стернин 1999, 2005, 2006; Слышкин 1999; Степанов 2001 и др., – а также описаний конкретных концептов: «Воля» [Катаева 2004], «Вода» [Костин 2002], «Грех» [Козина 2003], «Деньги» [Агаркова 2001], «Жизнь» [Ипанова 2005], «Закон» [Палашевская 2001], «Оскорбление» [Кусов 2004], «Развитие» [Анохина 2004], «Смерть» [Осипова 2005] и др. Как правило, эти исследования ведутся на материале современного русского языка в синхронном ключе. Гораздо реже лингвисты изучают проблему становления и формирования того или иного концепта ([Яковлева 2000]) или его вербализации на материале предшествующих эпох ([Кондратьева 2004], [Матвеев 2004], [Меркулова 2006], [Терина 2007]). Многоаспектный же лингвокогнитивный анализ предполагает не только синхронный подход к описанию концептосферы носителя современного русского языка, но и изучение её эволюции, так как одним из характерных свойств концепта является его изменчивость.

Многие концепты, составляющие концептосферу современного носителя русского языка, начали формироваться в средние века, когда славянская этническая общность испытала глубокое воздействие христианского учения через посредство старославянских книг религиозного содержания. Традиционно в отечественной палеославистике признаётся значительная роль, которую старославянский язык сыграл в становлении и развитии древнерусского языка (см. [Шахматов 1909, 1915], [Дурново 1927, 1929], [Филин 1984], [Толстой 1997] и др.). В последние годы исследователи заговорили о роли старославянского языка не только в формировании и развитии древнерусского литературного языка, но и о его влиянии на становление древнерусской культуры и, как следствие, об этической и культурологической ценности изучения старославянского языка. Исследование концептосферы, зафиксированной средствами старославянского языка, и сравнение её с представленной в памятниках древнерусской письменности позволит выявить общие для всех славян и сформировавшиеся на собственно русской почве концепты; установить степень влияния концептосферы, зафиксированной в старославянских текстах, на мировоззрение восточных славян; проследить изменчивость или устойчивость определённых концептов в средневековой славянской языковой картине мира.

В реферируемом диссертационном сочинении анализируется вербализация в старославянских рукописях X–XI вв. и древнерусских памятниках XI–XIV вв. концепта «Мученичество» – одного из наиболее

значительных (наряду с концептами «Бог», «Слово», «Праведность», «Время») в концептосфере средневековых славян-последователей христианства. Понятие мученичества является одним из центральных понятий христианства, а мученики представляют собой древнейший разряд святых, прославляемых христианской церковью [Живов 1994: 58]. Жития святых мучеников в славянской агиографической традиции являлись наиболее популярным жанром литературы. Следовательно, мы можем говорить о существовании концепта «Мученичество», вербализованного средствами старославянского и древнерусского языков.

В данной работе мы понимаем концепт как «принадлежность сознания человека, глобальную единицу мыслительной деятельности, квант структурированного знания» [Попова, Стернин 2005: 7].

Актуальность исследования состоит в значимости изучения концепта «Мученичество» в условиях современного мира, в котором, с одной стороны, возрождается интерес к исконному пониманию христианских категорий, а с другой – наблюдается трансформация религиозных понятий в условиях конфликта религий и цивилизаций. В настоящее время общество сталкивается с новым пониманием феномена мученичества представителями радикальных течений различных религий и нуждается в осмыслении и оценке данного концепта.

Объектом исследования стали извлечённые из письменных памятников языковые единицы словного и сверхсловного характера, вербализующие концепт «Мученичество» в старославянских рукописях X–XI вв. и древнерусских письменных памятниках XI–XIV вв.

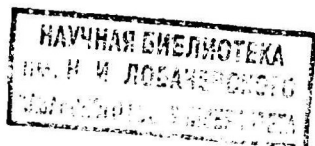
Языковые единицы сверхсловного характера вслед за Л. И. Ройзензоном и С. Г. Шулежковой мы называем устойчивыми словесными комплексами (УСК).

Предмет анализа – состав, структура и семантические связи лексико-фразеологического поля (ЛФП), вербализующего концепт «Мученичество» в старославянских рукописях X–XI вв. и древнерусских письменных памятниках XI–XIV вв., а также их роль в отражении языковой картины мира средневековых славян.

Цель работы — воссоздать концепт «Мученичество», вербализованный в старославянских рукописях X–XI вв., как часть языковой картины мира средневековых славян, являвшихся последователями христианства, и изучить его эволюцию в древнерусских памятниках XI–XIV вв.

Для достижения поставленной цели в диссертации решаются следующие задачи:

- 1) выявить корпус языковых единиц, вербализующих концепт «Мученичество» в старославянских рукописях X–XI вв. и древнерусских письменных памятниках XI–XIV вв.;
- 2) описать структуру ЛФП «Мученичество» в анализируемых старославянских и древнерусских текстах;

3) исследовать семантику, парадигматические и синтагматические взаимосвязи языковых единиц, составляющих ЛФП «Мученичество» в языке старославянских и древнерусских текстов;

4) на основе анализа лексико-фразеологического поля, вербализующего концепт «Мученичество», выявить наиболее существенные черты данного концепта в изученных текстах;

5) установить степень влияния концепции мученичества, отражённой в старославянских текстах, на сознание носителя древнерусского языка; определить тенденции развития концепта «Мученичество» в древнерусском языке XI–XIV вв.

Источником исследования стали три старославянские рукописи X–XI вв. и 18 памятников древнерусской письменности X–XIV вв., принадлежащих к «нижним жанрам» средневековой письменности [Верещагин 1997: 305–306] – проповедническому и житийному. Их язык даёт более разнообразный и полный материал для лингвистического анализа, чем чётко нормированный и консервативный язык евангелий и богослужебных книг.

Концептосфера средневековых славян, вербализованная средствами старославянского и древнерусского языков, восстанавливается прежде всего через лексико-фразеологический состав анализируемых документов, который представляет собой совокупность языковых единиц, организованных в ЛФП.

Основными методами и приёмами анализа в работе являются *описательный метод*, использованный при характеристике структуры поля вербализаторов концепта «Мученичество»; *дистрибутивный*, или *метод контекстуального анализа* языковых единиц; *сопоставительный метод*; *метод конструирования семантического поля*; *метод фреймового анализа*; *методика компонентного анализа*, которая применялась при анализе семной структуры вербализаторов концепта «Мученичество»; *приём количественных подсчётов*, позволивший определить продуктивность различных разрядов языковых единиц, репрезентирующих концепт «Мученичество».

Материалом для анализа в диссертационном исследовании послужила оригинальная картотека, созданная путём сплошной выборки из старославянских (351 языковая единица словного и сверхсловного характера в 2256 употреблениях) и древнерусских (310 языковых единиц в 1761 употреблении) памятников житийной и гомилитической литературы.

Научная новизна работы заключается в том, что в рамках данной диссертации описывается ранее не изучавшийся концепт «Мученичество»; впервые проводится воссоздание концептосферы, отражённой средствами старославянского языка, не на материале словарей, а на материале конкретных текстов X–XI вв., а также проводится сопоставительный анализ вербализаторов концепта «Мученичество» в старославянских и древнерусских письменных памятниках в диахроническом аспекте.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что её результаты вносят ряд содержательных методологических корректировок в решение проблемы воссоздания концептосферы русского этноса на материале

древних памятников. Анализ ЛФП, представленных в старославянских рукописях X–XI вв. и древнерусских памятниках XI–XIV вв., позволяет охарактеризовать структуру и семантическую многослойность одного из важнейших фрагментов языковой картины мира средневекового славянина в её развитии на протяжении пяти веков. Результаты исследования могут быть использованы при чтении курсов «Старославянский язык» и «Историческая грамматика», при подготовке спецкурсов и спецсеминаров историко-лингвистического цикла. Кроме того, материалы диссертации и разработанная методика описания лексико-фразеологических единиц могут быть использованы в лексикографической практике.

Положения, выносимые на защиту

1. Изучение языка житийных и гомилитических произведений, созданных на старославянском и древнерусском языках, позволяет выявить существенные черты концептосферы средневековых славян-последователей христианства. Одно из центральных мест в концептосфере средневековых славян занимает концепт «Мученичество».

2. Вербализаторы концепта «Мученичество» в текстах старославянских рукописей и древнерусских памятников письменности репрезентируют общее для всех средневековых славян, принявших христианство, представление о понимании физического страдания как следовании пути Иисуса Христа.

3. В старославянских и древнерусских письменных памятниках вербализованы различные этапы развития феномена мученичества в христианском религиозном сознании. Вербализаторы концепта «Мученичество» в языке старославянских памятников отражают ранний этап осмысления славянскими народами мученичества как принятия физического страдания за христианскую веру; языковые единицы, представляющие данный концепт в языке древнерусских житийных произведений, – более поздний, в который мучение за веру воспринимается не только как физическое страдание, но и как нравственное переживание.

4. Анализ семантики репрезентантов концепта «Мученичество» в старославянских и древнерусских памятниках свидетельствует о постепенной трансформации в религиозном сознании восточных славян ценности мученичества, которая дополняется осознанием ценности праведной жизни.

5. Вербализаторы концепта «Мученичество» в языке старославянских памятников X–XI вв. и древнерусских памятников XI–XIV вв. свидетельствуют о том, что в течение X–XIV вв. у средневековых христиан-славян постепенно изменялось понимание мученичества: от перенесения страдания во имя христианской веры до стойкого терпения любого мучения.

Апробация работы. О результатах исследования докладывалось на международной конференции «Россия–Польша: филологический и историко-культурный дискурс» (Магнитогорск, 2005); международной конференции «Человек в контексте своего времени: опыт историко-психологического осмысления» (Санкт-Петербург, 2006); Всероссийской конференции «Фразеологические чтения памяти профессора В. А. Лебединской» (Курган, 2005); Всероссийской научно-практической конференции «Виноградовские

чтения» (Тобольск, 2005); а также на внутривузовских научно-практических конференциях (Магнитогорск, 2004–2008) и заседаниях научно-теоретического семинара молодых преподавателей и аспирантов-лингвистов при кафедре общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета (2003–2008). Основные положения диссертации освещены в 10 публикациях общим объемом 4,53 п.л., из них 9 статей и 1 тезисы.

Структура диссертации подчинена решению поставленных задач. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Выводы даются отдельно по каждой главе. Общий объем работы составляет 205 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы и актуальность исследования, определяются его объект и предмет, формулируются цели и задачи, решаемые в работе, описываются анализируемые памятники письменности, указываются методы и приемы исследования, раскрывается его научная новизна, определяется теоретическая и практическая значимость работы, называются виды ее апробации, характеризуется структура диссертации.

В **первой главе**, состоящей из четырёх параграфов, рассматриваются вербализаторы концепта «Мученичество» в языке трёх старославянских рукописей X–XI вв. – Супрасльской рукописи, Енинского апостола и сборника Клоца.

В первом параграфе характеризуется структура ЛФП «Мученичество» в изученных старославянских рукописях. Принадлежность Супрасльской рукописи, Енинского апостола и сборника Клоца к жанру церковной литературы, обращённой к неизменяемым сферам жизни, описывающей стереотипные ситуации и характеры, обусловила структуру рассматриваемого ЛФП. Будучи, с точки зрения средневековых авторов, типичной, неизменяемой в основных своих характеристиках, ситуация мученичества является фреймовой, предполагающей обязательное наличие следующих компонентов: 1) виды мученичества; 2) субъекты мученичества; 3) последствия мученичества. Поэтому ЛФП «Мученичество» в языке анализируемых старославянских рукописей состоит из трёх областей: «Виды мученичества», «Субъекты мученичества» и «Последствия мученичества». Ведущая сложная сема, объединяющая все вербализаторы концепта «Мученичество» в изученных рукописях, – ‘боль, страдание (во имя христианской веры)’.

Во втором параграфе анализируется область «**Виды мученичества**», состоящая из двух секторов.

Первый сектор – «**Физическое мученичество**» – формируют 95 слов и УСК в 376 употреблении. Околоядерную зону этого сектора составляют 16 слов и УСК в 51 употреблении: дѣрание, гонѣние на крѣстианы, крѣвѣмъ проливаниѣ, великѣ мѣжѣ, нечловѣчскѣ мѣжѣ, мѣжѣти сохрѣвѣ, зѣло зѣлѣ мѣжѣти и др. Языковые единицы этой зоны называют различные виды физических мучений, которые могут быть градуированы по степени возрастания переносимости страданий: от сравнительно лёгких, не наносящих непосредственно вреда здоровью человека, каким являлось гонение, до крайних

по степени жестокости: они же шѣдише ѿша сватааго василиска · и съвзавъше
его сътвориша ѿмоу оноуштѣ · и гвоздѣа остры вѣнозиша въ оноуштѣ · и
обоуша и · и выиште его женѣахъ · вкоже крѣен его земьей полнѣти ·
гвоздѣи во вѣнидоша до кости его [CP: 17, 17–23]. Авторы средневековых
текстов, называя способ причинения мучения, одновременно стремились
охарактеризовать его как жестокое и неизбежное. Чем более жестокими были
страдания, тем большую верность убеждениям демонстрировал мученик и тем
более явным в сознании читателей и слушателей житий и проповедей было его
превосходство над мучителем. Физическое страдание, таким образом,
представало в сознании средневековых славян как подтверждение верности
христианству.

Ближняя периферия сектора «Физическое мученичество» в исследуемых
старославянских рукописях формируется тремя группами. Входящие в их
состав языковые единицы называют орудия причинения боли, физических
страданий, а также процесс причинения и перенесения физических страданий
во имя веры.

Первую группу зоны ближней периферии данного сектора составляют 22
слова и УСК в 68 употреблении, объединённые значением ‘орудие причинения
боли, физических страданий во имя веры’: виць, вратъ, дрьколь, дрѣво сжато,
жила говяжда/соукова, жьзливѣ сжато и др. Как правило, в исследуемых текстах
используются не родовые обозначения орудий мучения (оржжикѣ, съсжадѣ
мжчильнѣи), а наименования конкретных приспособлений, применявшихся для
истязания христиан: и разанчѣно кѣждо вишѣхъ и · ови прѣтнѣмъ ови вичи · а
дроутии жьзливѣмъ [CP: 193, 5–7].

Вторую группу формируют 35 единиц в 174 употреблении. В структуре
их значения можно выделить сложную сему ‘причинять боль, физические
страдания’: извадати, мжчити, творити мжкы, насиливѣ сътвориши, (копнѣмъ)
востѣ/провостѣ и др. Третью группу составляют слова и УСК, в значении
которых выделяется сложная сема ‘испытывать боль, физические страдания’:
мжкѣ прияти, скрѣви прияти, образъ мжкы прияти, искоушѣннѣ мжкѣ прияти
и др. (13 единиц в 52 употреблении). Слова и УСК этих групп в текстах
рассматриваемых старославянских памятников характеризуют две стороны
процесса принятия страданий во имя веры. Во-первых, они используются для
описания жестокости мучений: в текстах житий святых, как правило,
упоминаются сразу несколько видов пыток, применяемых к христианам:
слышавъ же то князь повелѣ въсадиши в въ темницѣ · и веригѣ наложити
ѿма на вѣкѣ · и на рѣцѣ и на нозѣ · и тако вѣкѣи ѿ · и сътвориша
слоути вкоже имъ повелѣно вѣст · повеле же и трѣзѣвѣца желѣзны
подѣстѣлати ѿма [CP: 181, 22–28]. Во-вторых, языковые единицы этих групп
представляют процесс мучения как субъект-субъектный, в котором мученик
сознательно и добровольно принимает страдания во имя веры: и дроути дроути
ѿкы благодѣтѣннѣи масломъ · на трѣпѣннѣ мжкы и на съврьшѣннѣ мжчѣннѣ
· помазайште оукрѣпѣвѣхъ [CP: 256, 7–10].

Дальнюю периферию сектора «Физическое мученичество» составляют 9 слов и УСК в 14 употреблениях, у которых значение ‘средство причинения боли, физических страданий во имя веры’ присутствует только контекстуально: *звѣрь*, *аспидъ*, *ѡхидьна*, *кѣрста*, *пѣсъ*, *стоудень велика/лютаѡ*, *година вѣременѣ зимьна*, *зимьноѡ вѣремѡ*. Наличие данных языковых единиц в числе вербализаторов концепта «Мученичество» в изученных старославянских текстах является дополнительным средством характеристики жестокости мучения и мучителя. Мучитель не ограничивался традиционными видами истязаний, он изобретал новые, которые обычный человек не был способен вынести. Жестокость физических страданий позволяла мученику проявить превосходство над мучителем: бессильный физически, он доказывал свою способность принять любое страдание во имя христианского бога.

Второй сектор вербализаторов области «Виды мученичества» – «*Нравственное мученичество*» – формируют одно слово и один УСК в четырёх употреблениях: *рагати са*, *за оухо оударити*. Невысокая частотность употребления единиц данного сектора связана с тем, что нравственные страдания являются личными переживаниями, скрытыми от окружающих. В X–XI вв., в период зарождения в славянской концептосфере христианской идеологии, изображение нравственного страдания не могло произвести на читателей и слушателей житий столь же сильного впечатления, как показ перенесения физических мук за веру.

В третьем параграфе первой главы анализируется состав второй области ЛФП «Мученичество» – «*Субъекты мученичества*».

Первый сектор данной области – «*Мученик*» – составляют 33 языковые единицы в 651 употреблении, объединённые сложной семой ‘человек, испытывающий боль, страдания во имя христианской веры’.

Околоядерную зону данного сектора формирует группа из 18 слов и УСК в 564 употреблениях, являющихся наименованиями мучеников: *мѡченикъ*, *страстьникъ*, *страстотръпецъ*, (*прѣ*)*влаженъи мѡченикъ*, *мѡченикъ благоверю* и др. Сравнительно небольшое число единиц данной группы (они являются комбинациями слов *мѡченикъ*, *страстьникъ*, *страстотръпецъ* с различными определениями) может быть объяснено церковной традицией: наименования святых – это религиозные термины, которые не могли быть изменены авторами или переписчиками житий.

Зону ближней периферии сектора «Мученик» формируют 15 слов и УСК в 87 употреблениях. В их семантической структуре актуализируется не часть ядерной семы ‘боль, страдание’, а часть ядерной семы ‘христианская вера’: *вѣровати* (къ) *вогос/господау*, *испѣвъ сѡшта вѣры быти*, *равотати богосъ*; *исповѣдъникъ крѣстианьскы вѣры*; *влагав вѣра*, *коупносѡщънаѡ вѣра* и др. Семантика слов и УСК этой зоны свидетельствует о том, что следование христианской религии двояко осмыслялось средневековым славянином. С одной стороны, вера была основана на безоговорочном подчинении христианскому богу. Об этом свидетельствуют значения слов *господь* (‘господин’ и ‘господь (бог)’) [СР 1994: 175–176]) и *равотати* (‘1. находиться в

рабстве, быть рабом' и '2. служить' [СС 1994: 842–843]), входящих в состав УСК данной группы. С другой стороны, христианство воспринималось как глубоко личная религия, следование которой утешало и ободряло верующих: *влагамъ вѣра* – 'добрая, хорошая, приятная' [СС 1994: 90], *истиннаа/праваа вѣра* – 'настоящая, истинная', 'правильная, справедливая' [СС 1994: 271; 496].

Второй сектор области «Субъекты мученичества» – «Мучитель» – составляют 98 языковых единиц в 837 употреблениях, объединённых сложной семой 'человек, причиняющий кому-либо боль, страдания из-за веры'.

Околоядерными языковыми единицами в структуре данного сектора являются слова и УСК, объединённые сложной семой 'человек, причиняющий кому-либо боль, подвергающий кого-либо страданиям': *мжчитель*, *гоуѣтель*, *казньць*, *коментарисин*, *капикаарин*, *мжчи слоуга* и др. (11 единиц в 57 употреблениях). Слова *мжчитель*, *гоуѣтель*, *гонитель*, *томитель* называют непосредственных инициаторов мучений: *сѣбѣтъ же сѣтворѣша мжчители рѣкоста · сна ѡстанѣкы аште сице ѡставимъ · възати а имѣтъ крѣстиани · и напѣлнѣти въсь миръ · нъ придѣте да а въвѣржемъ въ рѣкъ* [СР: 80, 24–28]. Остальные единицы этой группы обозначают исполнителей, зачастую пассивных, которые могли отказаться от мучений и сами принять христианство: *ѣдинъ же капикааринъ бѣаше вѣдо · и послушаша молашѣ сѣ нхъ <...> · възкочи въ ѣзеро вѣлѣа и глагола · и азъ крѣстианъ ѣсмъ · и <...> рече · господи боже вѣроуѣ въ та · въ нѣже и си вѣрѣваша · и вѣчѣти ма въ нѣ · и съподоби ма искушениѣ мжкъ приѣти* [СР: 78, 3–22]. Основной характеристикой мучителя в старославянском языке являлась не способность причинять боль, физические страдания, а то, что он властитель, язычник и человек, испытывающий чувство несправедного гнева.

Зону ближней периферии сектора «Мучитель» образуют 12 УСК в 249 употреблениях. В структуре их значения выделяется сложная сема 'поклоняться/поклониться языческим богам': *жрьти/пожрьти воуоу(омъ)/капищемъ/камению, коумирѡмъ/воуомъ слоугвати, жрътвы мрътвыимъ* и др. Мучитель в старославянских рукописях предстаёт как человек, который поклоняется языческим богам и стремится к распространению язычества. Контекстуально поклонение языческим богам связано с процессом причинения мучения: *вѣлѣхъ въ амасѣкъ градъ · сѣзѣва старѣйшины града · бѣаше же храмъ коумирѣскы <...> ѡнъ же възхъ его жрътвъ сѣтворѣвъ · искааше тѣмъ василаска · и повелѣ привести ї <...> и тоу имъ сѣдѣти* [СР: 17, 5–13]. Следование язычеству, с точки зрения средневековых христианских авторов, является одним из семи смертных грехов, и потому они сосредотачивают внимание читателей на этой характеристике мучителей.

Зону дальней периферии данного сектора формируют две группы языковых единиц.

Первая группа состоит из 30 слов и УСК в 315 употреблениях. В структуру их значения входит сема 'власть': *владѣка, воуевода, творѣць закономъ, старѣшинствоуати, цѣсарьствоуати, възати власть* и др. В изученных старославянских памятниках отразилось представление о государственной

власти как об источнике насилия. Связь концептов «Мученичество» и «Власть» обусловлена историей возникновения и распространения христианства как религии, преследуемой римскими властями: память святыхъ мученикъ каинстрата и дружинны его при дѣйкантиѣнѣ цѣсарѣ [Ен: 37 б, 11–14]. Неправедным земным владыкам в сознании средневекового славянина противостоял праведный владыка небесный, власть которого признавалась единственно справедливой: оузырѣте въ вѣдѣштанъ намѣ отъ правдынаго сѣдана йсоу христоса [СР: 108, 2–4].

Вторую группу составляют 26 слов и УСК в 167 употреблениях, объединённых сложной семей 'эмоциональное состояние человека, причиняющего боль, подвергающего кого-либо страданию': гнѣванѣ, ярость звѣриньска, възвѣсьнѣти, възѣщи сѣ гнѣвомъ, гнѣвати сѣ, прѣвъзвѣрѣти яростиж и др.

В том случае, если какое-либо эмоциональное состояние человека становится постоянным, оно превращается в одну из наиболее значимых его черт. Таковым состоянием мучителя является гнев и более сильное его проявление – ярость. Мучитель гневно реагирует на любое действие христианина; особенно сильные отрицательные эмоции у него вызывает отказ мученика принять язычество: и разгнѣвавъ сѣ льстивѣи · и възжѣ сѣ гнѣвомъ и акы левъ рикаа на правдынаго · мечемъ повелѣ чѣстнѣиѣ его главож отъсѣшти [СР: 61, 25–26]. Пристальное внимание к эмоциональному состоянию мучителя объясняется тем, что христианская церковь относит гнев к числу семи смертных грехов. В представлении средневекового славянина, полностью отдавшись чувству гнева, мучитель губит свою душу.

Подробная характеристика мучителя помогает чётко противопоставить субъектов мучения, подчеркнуть греховность мучителей-язычников по сравнению с праведностью христиан и истинное величие мученика, противостоящего внешне могущественным, но духовно бессильным земным владыкам.

В четвёртом параграфе рассматривается область «Последствия мученичества», которую формируют 123 языковые единицы в 392 употреблениях. В старославянском языке вербализаторы данной зоны ЛФП «Мученичество» используются только по отношению к мученику.

Первый сектор – «Физические последствия мученичества» – состоит из 81 слова и УСК в 303 употреблениях. Околоядерную зону данного сектора составляют 63 языковые единицы словного и сверхсловного характера в 276 употреблениях. В структуре их значения присутствует сложная сема 'смерть в результате перенесения боли, страдания во имя христианской веры': сѣмръть, видимаго житиѣ коньчина; за Христа оумрѣти, зѣлодѣнскоѣ сѣмрътиж оумираѣти; оувити, мѣками погоувити, зѣлѣ погоувити и др. Смерть в текстах рассматриваемых старославянских рукописей рассматривается как прекращение физического существования (сѣконьчание, сѣмръть, оумрътиж, оумрътѣи) и как переход от земной жизни к жизни небесной, вечной: сѣмръти

да ѡбѣжимъ вѣчныа . ѿже во нѣмъ маловременнаа смѣртъ . съмъ праведнымъ нарицаѣтъ сѧ [СР: 63, 21].

Зону ближней периферии сектора «Физические последствия мученичества» составляют две группы языковых единиц.

Первую формируют 6 слов и УСК в 14 употреблениях. В их значении выделяется сложная сема 'орудие причинения мучительной смерти во имя христианской веры'. Они называют орудия, которые использовались для осуществления двух наиболее мучительных видов смертной казни – распятия и сожжения заживо: и мѣчимъ неослабимъ . ѡгнь готовъ мечъ и ѡбшрѣтъ . распятие поставлено [СР: 85, 13–16]; възгнѣтивше ѡгнь и сънмѣше и съ дѣвѧ . въвержѣте и въ ѡгнь да погубити и ѡгнь [СР: 164, 2–3]. Подробная характеристика мучительности этих видов смертной казни в текстах житий должна была подчеркнуть верность мучеников христианству, их готовность принять смерть, не изменив веру.

Вторую группу формируют 12 УСК в 13 употреблениях, объединённые сложными семами 'избавить от боли, физического страдания во имя веры' и 'избавиться от боли, физического страдания во имя веры': избавити/отрѣшити отъ жъзъ, избавити отъ пѣци огньнѣа, ис тѣмница извести, отъ мѣжъ избавити, избѣтитъ мѣжъ и др. Данные УСК используются в старославянских текстах для описания могущества христианского бога, который своей властью может избавить мученика от страданий, причиняемых земными владыками: свѣтъмъ савинъ рече . надежда ѿмамъ къ богу своему ꙗко хрьстоу . ꙗко моштенъ естъ отъ мѣжъ твоиу соудѣтнѣмъ избавити мене [СР: 153, 13–15]. Сравнительно небольшое количество описаний избавления от мучений в исследуемых текстах связано с ценностным восприятием страдания в средневековом религиозном сознании. Мучения и смерть должны были засвидетельствовать стойкость христианина в вере, его верность истинному богу. Изображение избавления от страданий не позволяло читателям житий в полной мере осознать истинность веры мученика. Чем более мучительной была смерть, тем большую твёрдость в своих религиозных убеждениях проявлял мученик.

Второй сектор – «Нравственные последствия мученичества» – состоит из 42 слов и УСК в 89 употреблениях. Языковые единицы словного и сверхсловного характера, входящие в данный сектор, могут быть объединены в пять групп.

Первая сформирована 19 словами и УСК в 41 употреблении. В структуре их значения присутствует сложная сема 'вознаграждение в загробной жизни после принятия боли, страданий во имя веры': бессмертѣе, вѣчная жизнь, вѣнцы полагати, вѣнцы възложити, дарствовать вѣнцы, на небеса възносити и др. Наградой для мучеников, перенесших страдания и смерть на земле, в сознании средневековых авторов являлись бессмертие и вечная жизнь на небесах: ѿко всеквѣрно тѣло сътажавши . кровнѧ масть истачашѧ [Ев 346: 5–7]; ѿднѡй моштитъ въсь вѣкъ и змѣнимъ . съжжѣна бѣди нога . да вѣннѧ съ агѣлы анкоудѣтъ [СР: 91, 6–8].

Вторая группа состоит из 11 слов и УСК в 23 употреблении. В структуре их значения выделяется сложная сема 'символ превращения в святого после принятия боли, страданий во имя веры': *вѣнѣцъ, вѣнѣцъ мѹченикомѣ, вѣнѣцъ правдынымъ* и др. Венец в христианстве – это символ мученичества и символ царской власти. С точки зрения средневекового славянина, человек, пребывающий в царствии небесном, уподоблялся владыке и получал в награду за унижения в земной жизни символ царской власти на небесах: *ѿдано же ѿ трѣпѣннѣхъ кже противѣхъ лютымѣ · ѿ н състави-к-же за истиннѣхъ показаша <...> тѣмъ же ѿ равнѣнѣстѣнѣнѣхъ вѣнѣцѣхъ славы съподобнѣша сѧ* [CP: 82, 19–24].

Третья группа состоит из 7 единиц в 19 употреблении. В структуре их значения присутствует сложная сема 'признак превращения в святого после принятия боли, страданий во имя веры': *мощи свѣтъж/свѣтаго/правдыника, тѣло свѣтож/свѣтаго/мѹченика, крѣвнѣхъ масть* истачати и др. Останки мучеников, средневековых славян, признанных святыми, также являлись святыми и становились объектом поклонения: *мѹжѣхъ же крѣстѣннѣхъ пришедѣше възаша тѣлесеѣ стѣхѣ · ѿ добрѣхъ съпратавѣше положиша на мѣстѣ · нарочитѣ · двѣхъ пѣхъ пришоу въ далѣ ѿ римска града* [CP: 270, 9–14].

Четвёртую группу составляют два УСК в четырёх употреблении. В структуре их значения выделяются сложные семы 'почитать святого' (*памѣть приносити/творити*) и 'почитание святого' (*памѣть свѣтаго*). Эти УСК обозначают нравственные последствия мучения по отношению к читателям и слушателям житий: *памѣть стѣхѣмъ ѡбѣщевати апостоломъ велѣти вѣды · ѿко ѿже памѣть творитѣ съ всѣмъ срьдѣцемъ ѿ вѣрохъ* [CP: 124, 9–12].

Пятую группу формируют два УСК, в семантической структуре которых присутствует сложная сема 'превратиться в небесного покровителя верующих': *молити съпати доуша чин, молитвами подати мѣлость: даръ имѣти съприснотѣхъ ѿ христа бога нашего молитвами твоими подати велѣти мѣлость* [Ен 346: 8–11]. Мученик выступал как заступник христиан перед высшим христианским божеством. Находясь в царствии небесном, святой, по представлению средневековых славян, был ближе к богу, и его молитвы о живущих могли быть быстрее услышаны.

Во второй главе, состоящей из четырёх параграфов, рассматриваются вербализаторы концепта «Мученичество» в языке 18 памятников древнерусской агиографической литературы: четыре слова Киево-Печерского патерика; пять житий мучеников, вошедших в состав Пролога; «Повесть об убиении Андрея Боголюбского»; «Чтение о Борисе и Глебе», «Сказание о чудесах святых страстотерпцев Христовых Романа и Давида», «Сказание о Борисе и Глебе»; «Житие Михаила Ярославича Тверского»; «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора»; «Житие Дмитрия Солунского»; «Житие Вячеслава Чешского»; «Сказание о Евстафии Плакиде». В главе проводится сопоставительный анализ вербализаторов исследуемого концепта в старославянских и древнерусских памятниках письменности.

В первом параграфе описывается структура ЛФП «Мученичество» в изученных древнерусских памятниках. Как и структура соответствующего ЛФП в старославянских памятниках, она является фреймовой, состоящей из трёх областей: «Виды мученичества», «Субъекты мученичества» и «Последствия мученичества». Ведущая сложная сема, объединяющая все вербализаторы концепта «Мученичество» в изученных памятниках, – ‘(сознательно принятые) боль, страдание во имя христианской веры’.

Во втором параграфе анализируются вербализаторы области «*Виды мученичества*», которую формируют 112 слов и УСК в 489 употреблениях.

Первый сектор области – «*Физическое мученичество*» – составляют 71 слово и УСК в 278 употреблениях.

Околоядерную зону сектора формируют слова и УСК, называющие конкретные виды физических мучений. В структуре значений данных языковых единиц можно выделить сложную сему ‘способ причинения боли, физических страданий’: *гоненик, изгнаник, полонь/плѣнь/плѣненик, заколеник, расплатик* (5 единиц в 18 употреблениях). Сравнительно небольшое число околоядерных языковых единиц в структуре сектора «Физическое мученичество» может быть объяснено их семантико-грамматическим значением: они являются предметными, в то время как мучение – это процесс, для обозначения которого более характерным является использование слов и УСК процессуальной семантики.

Ближняя периферия сектора «Физическое мученичество» в исследуемых древнерусских памятниках формируется четырьмя группами.

Первая группа состоит из 38 слов и УСК в 95 употреблениях. В их семантической структуре можно выделить сложную сему ‘причинять боль, физические страдания’: *плѣнити, (въ)вѣзати, оковати, уранити, раны възлагати, отърѣзати, пригвоздити роуцѣ* и др.

Вторая группа представлена 9 словами и УСК в 73 употреблениях. В значении этих языковых единиц присутствует сложная сема ‘испытывать боль, физические страдания во имя веры’: *(пре)терпѣти, пострадати, терпѣти имене Господа ради, приѣти подвигъ, приѣти страсть* и др. Наименования христианского бога, входящие в состав УСК этой группы, актуализируют сему ‘за христианскую веру’ в структуре значения данных языковых единиц. Они используются авторами для того, чтобы представить как христианских мучеников героев житий, которые, согласно православным канонам, не были мучениками за веру, а погибли в междоусобной борьбе: «*Но терплю, Господи, имени твоего ради, яко благо ми будетъ предъ преподобными твоими, давно бо жадахъ, да ми пострадати за Христа*» [ЖМЯТ: 82]. Языковые единицы этой группы репрезентируют представления о добровольности принятия страданий и смерти. Значение сознательности принятия мучений заключена в семантической структуре УСК *въдатица въ муки и приѣти подвигъ*: «*Кто тако нечювьственъ, яко же ты, иже толикихъ блазъ и чести лишаешия и вдалъ ся еси в горькыя сия муки*» [Сл. 30: 550].

Третья группа состоит из 9 слов и УСК в 58 употреблениях, объединённых сложной семой 'орудие причинения боли, физических страданий': *древо, жезлик, колода, копик, оружик, меч* и др. Пять из них называют виды холодного оружия, которые входили в состав вооружения древнерусских воинов: «И сѣѣкоша и мечи и саблями, и копичныя язвы даша ему...» [ПУАБ: 330]. Использование наименований воинского оружия для обозначения орудия мучений объясняется тем, что смерть древнерусских святых зачастую была следствием княжеских междоусобных войн, и естественно, что раны и смерть наносились не орудиями пыток, как в житиях, созданных на старославянском языке, а предметами воинского вооружения.

Четвёртую группу формируют два слова в трёх употреблениях. В структуре их значения выделяется сложная сема 'след причинения боли, физических страданий': *язва, рана*.

Дальняя периферия сектора «Физическое мученичество» состоит из 8 слов и УСК в 31 употреблении, сложная сема 'средство причинения боли, физических страданий' у которых появляется только в контексте их употреблений в изучаемых памятниках: *жажа, гладь, стоуднь, снѣгъ* и др. Данные единицы отмечены нами только в двух исследованных житиях. Возможно, это связано с тем, что в остальных произведениях рассматриваемого жанра описывается смерть русских князей в борьбе за власть. Истязания, обозначаемые единицами данной группы, не приносили быстрого результата в междоусобной борьбе, а потому слова и УСК, называющие эти виды физических мучений, не отмечены в текстах житий святых русских князей.

Сектор «Нравственное мученичество» состоит из 41 слова и УСК в 211 употреблениях, объединённых сложной семой 'нравственные мучения во имя христианской веры'. Употребление единиц этого сектора в текстах древнерусских житий свидетельствует об изменении понимания сути мученичества в XI–XIV вв.: мучение за веру становится категорией нравственной, ценность приобретает не просто сильное физическое, а осознанное и добровольное страдание за веру.

Околоядерную зону сектора формируют две группы языковых единиц словного и сверхсловного характера.

Первую составляют два слова и один УСК в 16 употреблениях, объединённые сложной семой 'способ причинения нравственных страданий': *слово досадноѣ, поношениѣ, оукоризьна*. Оскорбление словом в восприятии древних русичей являлось не менее жестоким, чем оскорбление действием. Поэтому мучитель стремился публично словесно оскорбить мученика: «... нечестивый же Ковгадый <...> повелѣ святаго поставити на колену и пред собою <...> и много словеса изрече досадна праведному» [ЖМЯТ: 82].

Вторую группу формируют 6 слов и УСК в 64 употреблениях, обозначающих эмоциональное состояние человека, подвергающегося нравственным мучениям: *горьсть, печаль, скорбь, тоуга, съкроушениѣ сѣрдьца, тоуга и скорбь*. Изображение внутреннего состояния человека, с точки зрения древнерусских авторов, передавало глубину страданий мученика за веру.

Зону ближней периферии сектора «Нравственное мученичество» формирует 21 языковая единица в 97 употреблении. В структуре значения этих слов и УСК выделяется сложная сема 'эмоциональное состояние печали': *стонаник, уздыханик, съ плачьмъ въздохнути, испущати яко рѣкоу слезы, печаловати сѧ, плакати сѧ* и др. Печаль святого изображается как вызванная осознанием собственного несовершенства и греховности, а не страхом перед физическими страданиями: «... обычаи добронравень имашеть: <...> и вси святаы видя, смиряя образъ свои скрушеномъ сердцежъ и уздыханье от сердца износя, и слезы от очю испущая, покаяные Давидово приимаю, плачяся о грисѣхъ своихъ...» [ПУАБ: 326]. Способность испытывать чувство печали осмыслялась древнерусскими авторами как показатель высокой нравственности человека: оценивая себя и свои поступки, истинный праведник видит своё несовершенство и стремится избавиться от него.

На дальней периферии сектора «Нравственное мученичество» находятся 11 слов и УСК в 34 употреблении, обозначающих избавление от печали и пребывание в эмоциональном состоянии радости: *бес печали, съ радостию, радостноу сръдце, доуша радостная* и др. Избавление от печали, с точки зрения авторов древнерусских житий, возможно при помощи обращения к богу, чтения текстов Священного писания: «И помышляаше слово премудраго Соломона: «Правдыници въ вѣкы живутъ и отъ господа мзда имъ и строение имъ отъ вышшняго». И о семъ словеси тѣчию утѣшаашеся и радоваашеся» [СБГ: 284]. Представления о нравственных мучениях во имя веры, в отличие от физических, предполагают избавление от них, однако способ избавления также является одним из путей приближения к христианскому богу. Избавление от нравственных страданий не было прекращением следования христианским заповедям, но воспринималось как его продолжение.

В третьем параграфе анализируются языковые единицы, являющиеся вербализаторами второй области ЛФП «Мученичество» – «*Субъекты мученичества*».

Первый сектор данной области составляют 29 языковых единиц в 694 употреблении, которые используются для обозначения центральной фигуры процесса мучения – мученика.

Околоядерную зону сектора «Мученик» формируют 10 слов и УСК в 541 употреблении, имеющих значение 'человек, переносящий боль, страдания во имя веры': *блаженныи, свѣтлыи, мученикъ, страстотърпыцъ, Христовъ страдалецъ* и др. Как и в старославянском языке, употребление языковых единиц данной зоны не имеет каких-либо особенностей, так как наименования мучеников являются православными терминами и их употребление регламентируется церковными канонами.

Зону ближней периферии сектора «Мученик» формируют три группы языковых единиц, характеризующих праведность святого, который испытывает мучения во имя христианской веры. В их семантической структуре

актуализируется не часть сложной ядерной семы 'боль, страдание', а часть ядерной семы 'христианская вера'.

Первая группа состоит из 10 УСК в 84 употреблении. В их значении присутствует сложная сема 'верить в христианского бога': *исповѣдати (имѧ) Исоуса Христа, работати кдиному богу, исповѣдати вѣроу хрестьянскоую, кланяти сѧ господоу Исоусоу Христоу и др.* Вера в бога была обязанностью христианина (*работати кдиному богу*), предполагала открытую проповедь своих убеждений (*исповѣдати* – 'открыто признавать (признать), проповедовать что-л.' [СлРЯ XI–XVII вв.: 6: 274–275]), но в то же время была глубоко личным чувством верующего (*уповати на бога, надежду на господа положити, Христа любити*).

Вторую группу составляют четыре УСК в 28 употреблении, в структуре значения которых выделяется сложная сема 'заботиться о ближнем': *избавити отъ бѣды, избавити отъ смърти, положити доушоу за кого, пролити кровь за кого*. Высшей формой проявления заботы о ближнем является готовность пожертвовать собственной жизнью ради спасения окружающих: «Азъ, отче, много мыслях, како бы намъ пособити крестьяном сим <...> а нынѣже благослови мя, ащю ми ся случитъ, пролию кровь свою за нихъ ...» [ЖМЯТ: 76].

Третью группу формируют пять языковых единиц в 41 употреблении. В структуре их значений присутствует сложная сема 'христианская вера': *правовѣрик, истинноѡ хрестьянство, православная вѣра, медоточноѡ оученик, (непорочная) хрестьянская вѣра*. Эти языковые единицы характеризуют религиозность древнего русича как убежденность в истинности православия.

Второй сектор области «Субъекты мученичества» – «Мучитель» – составляют 19 языковых единиц в 169 употреблении.

Околоядерными единицами данного сектора являются 7 слов в 72 употреблении, называющих человека, наносящего кому-либо физические страдания: *ворогъ/ворожьбитъ, братоненавидѣникъ, братоубищца, мочитель, кровопищца, сторожъ, оубищца*. В древнерусских житиях отсутствует характерное для старославянских рукописей представление о возможности пассивного исполнения приказаний, отданных инициатором мучений. С точки зрения авторов древнерусских текстов, человек, исполняющий приговор, несёт полную ответственность за свои поступки. Так, братоубийцами является не только Святополк, но и его слуги, убившие Бориса и Глеба: «... *приспѣша вънезпѣ посылани отъ Святопѣлка зѣлая слугы, немилостивии кровопищѣ, братоненавидѣници люти зѣло...*» [СБГ: 293].

Ближнюю периферию сектора «Мучитель» формируют 12 слов и УСК в 97 употреблении. В их семантической структуре выделяется сема 'язычество' либо сложная сема 'предательство христианской веры': *безаконны, безбожьныи, зѣловѣрникъ, нечѣстивыи, поганыи; опоганити сѧ, отъверѣсѧ вѣры хрестьянскыя, поганъ законопрѣстоупникъ* и др. В древнерусской концептосфере одинаково грешными считались и вероотступники, изменившие христианству, и язычники, которые всегда поклонялись языческим богам.

Однако в произведениях XI–XIV вв., в отличие от старославянских, принадлежность к язычеству не была обязательной чертой мучителя. Нередко в роли гонителей выступают русские князья, а язычники оказываются более милосердными к своим противникам, чем православные: *«Ковгадый же и князь Юрей вѣдше на кони, приехаша въскоре к тѣлу святаго и видѣша тѣло святаго наго, браняше и съ яростию князю Юрию: «<...> Да чему тако лежит тѣло наго повержено?»»* [ЖМЯТ: 86].

В четвёртом параграфе рассматривается третья область ЛФП «Мученичество» – *«Последствия мученичества»*, которую формируют 150 слов и УСК в 409 употреблениях. В древнерусских памятниках агиографической литературы вербализовано представление о результатах мучения для обоих субъектов мученичества – и мучителя, и мученика.

Сектор *«Последствия мученичества для мученика»* формируют 143 единицы в 392 употреблениях.

Околоядерная зона сектора состоит из 10 слов и УСК в 128 употреблениях. В структуре их значений содержится сложная сема ‘убить в результате причинения боли, страданий во имя веры’ или ‘умереть в результате принятия боли, страданий во имя веры’: *оубити, по моукахъ смерти прѣдати; оуспѣти, изгнати отъ ранъ, истечи кровию, съкончати животъ, по моукахъ смерть приати* и др. Единицы этой зоны описывают смерть как результат прекращения жизнедеятельности без подчёркивания нравственных последствий для субъектов мученичества: *«Отнынѣ буди вѣдаа, яко животъ и смерть принадлежит ти: или, волю господжа своея сътворю, от нас чесну быти и велику власть имѣти, или, преслушавиу, по многих мукахъ смерть приати»* [Сл. 30: 550]. Поэтому околоядерные слова и УСК редко встречаются в текстах исследуемых древнерусских памятников.

Зону ближней периферии сектора образуют шесть групп единиц словного и сверхсловного характера.

Первая группа представлена тремя УСК в семи употреблениях. В структуре их значения присутствует сложная сема ‘избавиться от боли, физических страданий’: *помиловати самъ себе, избѣжати моукъ и избыти моукъ*. Как и в языке рассмотренных старославянских рукописей, каждая из них характеризуется единичным употреблением: осознание страдания как ценности, пути к спасению души не предполагало избавления от него.

Вторая группа состоит из трёх УСК в 60 употреблениях. В структуре их значения присутствует сложная сема ‘останки человека, принявшего смерть в результате мучения за веру’: *мощи святаго/блаженнаго, тѣло святаго/блаженнаго, чьстьнож тѣло*. Эти УСК обозначают не физический, а нравственный результат процесса мучения, так как мощами в христианской традиции признаются не любые останки человека, а только тела официально признанных церковью святыми.

Третью группу формируют 8 слов и УСК в 23 употреблениях. В структуре их значения содержится сложная сема ‘почитание мученика’: *въсхвалити, съхранити, съпрятати, похвала, чьсть, плачь великий, пѣснь*

благодарная и др. Если в языке старославянских рукописей эта группа представлена двумя УСК в четырёх употреблениях, в древнерусских житиях их употребление достаточно регулярно, что позволяет говорить о появлении третьего участника мученичества – почитателя мученика: «Святѣи же и честнѣи телеси ею нѣкими христьяны богобоязливими сохранены бысть» [СОМЧ: 234]; «И тако плакася по нѣмъ весь градъ и, спрятавши тѣло его, съ честью и с писными благохвальными положиша его у чудноѣ, хвалы достоинои, у святоѣ Богородицѣ златоверхой, юже бѣ самъ создалъ» [ПУАБ: 336].

Четвёртая группа представлена 8 словами и УСК в 17 употреблениях, находящимися в антонимических отношениях со словами и УСК третьей группы. Они объединены сложной семьей ‘надругаться над телом святого’: *повергнути, выверечи пьсомъ, прѣдати на пороуганиѣ оузамъ, покрити котыгою* и др. Употребление единиц третьей и четвёртой групп свидетельствует о том, что в древнерусских памятниках представлен более поздний этап развития православного вероучения по сравнению со старославянскими. Почитание останков мученика превратилось в ритуал, который рассматривается как обязательный и почитателями мучеников (они стремятся выполнить его), и мучителями (они хотят предотвратить поклонение мощам святых).

Пятая группа состоит из слов и УСК, объединённых сложной семьей ‘признак превращения в святого в результате принятия мучений за веру’: *вънъць* (‘символ превращения в святого’), *чоудо* (‘свидетельство превращения в святого’), *чоудо сътворити* (‘засвидетельствовать превращение в святого’), а также 104 различных синтаксических конструкций, являющихся описанием конкретных чудес, которые происходили после смерти мучеников (всего 129 употреблений). Для официального признания православной церковью мученика святым чудо являлось обязательным условием. Поэтому авторы древнерусских житий, в отличие от старославянских, обязательно упоминали о чудесах, происходивших с мощами святых. Как правило, они характеризуются единичным употреблением: каждое чудо является уникальным событием, и оно не повторяется даже тогда, когда чудеса несколько раз происходит около гроба одного святого: «Чудо 1-ое: о хромѣхъ<...> Чудо 2-ое: о слѣпци <...> Чудо 3-ое: о хромѣхъ <...> Чудо 4-ое: о хромѣхъ и о немѣ <...> Чудо 5-ое: о женѣ соухороуцѣ <...> Чудо 6-ое: о слѣпци-свѣтоую моученикоу Романа и Давида и свѣтого Георгия» [Сказание...: 72–76].

В семантической структуре слов и УСК, составляющих шестую группу, присутствует сложная сема ‘превращение в покровителя родной земли после принятия смерти за веру’: *градолюбъць, гражанинѣ, съпричисти сѧ съ сродникома своимъ Борисомъ и Глѣбомъ, съпричисти сѧ съ тезоименитымъ своимъ съ Михайломъ съ Черниговьскымъ, молити сѧ къ богу о племени своемъ* (всего 28 употреблений). Наличие данной группы единиц характерно только для древнерусского ЛФП «Мучение», в старославянском языке она отсутствует. Можно предположить, что это связано со спецификой политической ситуации,

которая сложилась в Древней Руси в XI–XIV вв.: для обретения независимости русской церкви требовалось создание пантеона собственно русских святых.

Сектор «Последствия мученичества для мучителя» состоит из семи слов и УСК в 17 употреблении. Они обозначают три вида наказания, которым подвергается мученик: возмездие от христианского бога при жизни, жестокая смерть и вечные муки в загробной жизни. Чтобы подчеркнуть тяжесть наказания, авторы житий, как правило, говорят о том, что мучителя ожидают все они: «... [Святополк] *пробѣже Лядську землю гонимъ гнѣвъмъ божиємъ. И пробѣже въ пустыню межю Чехы и Ляхы, и ту испровѣже животь свои злыѣ. И приять възмѣдие отъ господа, яко же показася посыланая на нь погубная рана и по сѣмрти муку вѣчную»* [СБГ: 296].

Данный сектор ЛФП «Мучение» является специфическим для древнерусского языка. Появление слов и УСК, характеризующих результат процесса мучения для мучителя, можно объяснить стремлением авторов житий выстроить до конца четкую антитезу *мучитель* – *мученик*. Наказание, которое ожидало грешников после смерти, должно было отвратить читателей житий от греховной жизни, утвердить их уверенность в необходимости жить праведно.

В *Заключении* излагаются основные результаты работы. Анализ вербализаторов концепта «Мученичество» показал, что, несмотря на сходство структуры исследуемых ЛФП, наполняемость их областей является различной в языке старославянских и древнерусских памятников письменности. Основные изменения претерпели секторы «Нравственное мученичество» (0,5 % в старославянских памятниках и 36 % в древнерусских от числа всех вербализаторов концепта) и «Последствия мученичества» (появление сектора «Последствия мученичества для мучителя» в языке древнерусских памятников). Также изменилась связь рассматриваемого ЛФП с семантическими полями, вербализующими другими концепты. Структура старославянских и древнерусских ЛФП «Мученичество» и семантика составляющих их единиц свидетельствуют о постепенной трансформации одноименного концепта в сознании средневековых славян, исповедующих христианство, в X–XIV вв.

Изменилось представление о сущности страдания: от стойкого перенесения физических мук и смерти до осознанного следования пути Христа не только в смерти, но и в жизни.

Иной становится трактовка роли и ответственности субъектов мученичества. В древнерусских житиях отсутствует понятие пассивного участника мучения, выполняющего приказание и потому свободного от ответственности.

Древнерусские вербализаторы концепта «Мученичество» отражают более поздний этап развития православной церкви в сравнении с представленным в старославянском языке. Кроме того, вербализаторы исследуемого концепта в древнерусском языке характеризуют тесную взаимосвязь в сознании древних русичей религиозных и политических представлений, что нехарактерно для концепта «Мученичество», репрезентированного в старославянских рукописях.

В древнерусских житиях намечается тенденция к изменению значения слова *моученичество*: от перенесения страданий во имя веры к терпению любых физических и нравственных мук.

В заключении также намечаются пути дальнейшего исследования в русле обозначенной в диссертации проблемы. Перспективным представляется изучение ЛФП, вербализующих концепт «Мученичество» в более поздние периоды развития русского языка, а также изучение концептов «Вера» и «Святость», связанных с концептом «Мученичество», в старославянском и древнерусском языках, их сходства и различий, влияния картины мира, закреплённой в старославянском языке, на формирование и развитие древнерусской, а затем старорусской и русской языковой картин мира.

В *Приложении* содержатся схемы, которые отражают структуру представленного в диссертации ЛФП.

Основные положения диссертации освещены в следующих публикациях:

1. Мишина, Л. Н. Представления средневекового славянина о высшем христианском божестве (по данным корпуса устойчивых словесных комплексов Супрасльской рукописи) / Л. Н. Мишина // Проблемы истории, филологии, культуры : межвуз. сб. – Вып. XVI/2. – Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2006. – С. 328–331. (**Реестр ВАК Минобрнауки РФ**).
2. Мишина, Л. Н. Вербализаторы терминального узла *Результат процесса мучения* концепта «Мученичество» в древнерусском языке (на материале житий XI–XIV вв.) / Л. Н. Мишина // Проблемы истории, филологии, культуры : межвуз. сб. – Вып. XX. – Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2008. – С. 155–164. (**Реестр ВАК Минобрнауки РФ**).
3. Мишина, Л. Н. Устойчивые словесные комплексы старославянского языка как объект описания в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI вв.)» / Л. Н. Мишина // Фразеологические чтения памяти проф. В. А. Лебединской : вып. 2. / отв. ред. Н. Б. Усачёва. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – С. 141–144.
4. Мишина, Л. Н. Устойчивые словесные комплексы фразеосемантического поля «слово» в старославянском языке (на материале Супрасльской рукописи) / Л. Н. Мишина // Виноградовские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 23–24 ноября 2005 г. – Тобольск : Изд-во ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2005. – С. 108–110.
5. Мишина, Л. Н. Концепт «Слово» сквозь фразеологическую призму: от старославянского языка к русскому / Л. Н. Мишина // Россия – Польша : филологический и историко-культурный дискурс : сб. статей участников Междунар. науч. конф. / ред.-сост. С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2005. – С. 258–261.
6. Мишина, Л. Н. Устойчивые словесные комплексы Супрасльской рукописи как материал для воссоздания языковой картины мира средневекового славянина / Л. Н. Мишина // «Благословенны первые шаги...» : сб. работ молодых исследователей / под ред.

- С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2005. – Вып. 6. – С. 3–11.
7. Мишина, Л. Н. Устойчивые словесные комплексы фразеосемантической группы «Эмоциональное состояние» как часть оппозиции *истинная вера – ложная вера* в старославянском языке (на материале Супрасльской рукописи) / Л. Н. Мишина // Человек в контексте своего времени: опыт историко-психологического осмысления : материалы XX Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 18–19 декабря 2006 г. : в 3 ч. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С. Н. Полторака. – СПб. : Нестор, 2006. – Ч. 2. – С. 209–214.
 8. Мишина, Л. Н. Устойчивые словесные комплексы Супрасльской рукописи как материал для воссоздания фрагментов языковой картины мира средневекового славянина / Л. Н. Мишина // Конкурс грантов студентов, аспирантов и молодых учёных вузов Челябинской области : сб. рефератов науч.-исслед. работ аспирантов. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 91–92.
 9. Мишина, Л. Н. Устойчивые словесные комплексы фразеосемантического поля «Мука» в тексте Супрасльской рукописи как материал для воссоздания языковой картины мира средневекового славянина / Л. Н. Мишина // От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира : коллектив. монография / под ред. С. Г. Шулежковой : в 2-х ч. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2007. – Ч. I. – С. 8–21.
 10. Мишина, Л. Н. Вербализация представлений о мучителе как фрагмент концепта «Мученичество» в старославянском языке (на материале Супрасльской рукописи) / Л. Н. Мишина // От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира : коллектив. монография / под ред. С. Г. Шулежковой : в 2-х ч. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2008. – Ч. 2. – С. 27–48.

Регистрационный № 1348 от 09.03.2004 г. Подписано в печать 14.11.2008 г.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага тип № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 1,00. Уч.-изд. л. 1,00. Тираж 100 экз. Заказ № 626.

Бесплатно.

Издательство Магнитогорского государственного университета

455038, Магнитогорск, пр. Ленина, 114

Типография МаГУ